

УДК 664

DOI: 10.52531/1682-1696-2025-25-2-210-219

Научная статья

EDN: XZUPUP

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РАЗВИТИЯ И ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

И.А. Трунов

Союза адвокатов России, Москва,
Российская Федерация

В статье исследуются положение и функции Конституционного Суда РФ в системе государственной власти, а также его уникальные полномочия и сложности, возникающие в процессе правоприменения. Анализируются случаи непоследовательности в судебных решениях и использование общих правовых принципов в аргументации. Особое внимание уделяется механизмам принятия решений, влиянию политико-социальных факторов и вопросам разрешения юридических противоречий. Автор акцентирует необходимость четкой регламентации процедур пересмотра конституционных интерпретаций, что является важным условием стабильности правовой системы. В целом, статья рассматривает ключевые аспекты деятельности Конституционного Суда РФ, его значимость в государственной системе и основные вызовы, с которыми он сталкивается в практике правоприменения.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, конституционное судопроизводство, правовая неопределенность, судебная практика, юридические коллизии, конституционные интерпретации, разделение властей, антикоррупционные иски, срок исковой давности, правоприменение, социально-политический контекст, самоограничение суда

Конституционный Суд (КС) РФ, в силу своей специфической компетенции, занимает особое место в системе органов государственной власти. Зарождаясь в условиях сложной политической обстановки, орган конституционного контроля все еще не может освободиться от образа политически ангажированного образования, созданного под видом «хранителя» и «защитника» Конституции РФ от законодательного

Original article

THE EVOLUTION OF CONSTITUTIONAL PROCEEDINGS IN RUSSIA: PROBLEMS, DEVELOPMENT PATHS, AND THE INFLUENCE OF POLITICAL REALITIES

I.L. Trunov

RUSSIAN BAR ASSOCIATION, MOSCOW,
RUSSIAN FEDERATION

The article examines the position and functions of the Constitutional Court of the Russian Federation within the system of state power, as well as its unique competencies and the challenges arising in the process of law enforcement. It analyzes instances of inconsistency in court decisions and the use of general legal principles in argumentation. Particular attention is given to decision-making mechanisms, the influence of socio-political factors, and issues related to resolving legal conflicts. The author emphasizes the need for clear regulation of procedures for revising constitutional interpretations, which is essential for ensuring the stability of the legal system. Overall, the article explores key aspects of the Constitutional Court's activities, its significance within the state system, and the main challenges it faces in legal practice.

KEYWORDS: Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional court proceedings, legal uncertainty, judicial practice, legal conflicts, principles of legal certainty, constitutional interpretations, separation of powers, anti-corruption lawsuits, statute of limitations, law enforcement, socio-political context, judicial self-restraint

и правоприменительного произвола со стороны иных ветвей государственной системы.

Но все же конституционное право ни в коем случае нельзя считать «прислужницей» публичной власти, напротив, оно «в состоянии и должно оказывать правовое позитивное влияние на политику и политические отношения» [1]. КС РФ должен проявлять умеренность исходя из принципов конституционной сдержанности и народовластия. Важнейшим проявлением самоограничения КС РФ является отказ от решения политических вопросов, но стремления властных структур решить политические вопросы по-

средством конституционно-правового истолкования может вынудить суд высказать политическую позицию в условиях политического конфликта [2].

Президент РФ и российский законодатель давно работают над исключением политизация КС РФ. Так, в 2020 г. был принят пакет Президентских поправок в Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые, по мнению законодателя за- претив критику и публикацию особых мнений судьями КС по поводу решений КС, защитили КС от «политизации» [5].

В настоящее время в российской правовой системе все больше возрастает роль интерпретационных актов. Вместе с этим возрастает неопределенность в юридическом значении актов официального судебного толкования одного уровня ввиду их неоднородности. Разъяснения, которые учитывают в своей правоприменительной практике нижестоящие суды, издаются КС РФ в виде постановлений, определений и Верховным Судом РФ в виде постановлений Пленума и Президиума. В связи с этим Н.А. Власенко отмечает, что «сегодня для судей вопрос об иерархии, примате положений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ решается по принципу, в каком ведомстве работает судья...». Судебный прецедент всегда стоит ниже закона, хотя этот «квазипрецедент» меняет структуру закона в случае признания нормы неконституционной. Такая деятельность в научной литературе названа одним из вариантов нормокоррекции [10].

В процессе аргументации своих решений КС РФ нередко прибегает к использованию не только принципов, прямо закрепленных в Конституции РФ или федеральных законодательных актах, но применяет принципы, не нашедшие отражения в нормативных текстах [3]. Наиболее спорный характер приобретают принципы, искусственно выведенные КС РФ для обоснования собственных позиций (к примеру, принцип правовой определенности [13], принципы объективности, справедливости, рациональности, сбалансированного учета публичных и частных интересов [21] и т.п.). Вариативность и противоречивость судебных решений с естественной абстрактностью таких категорий как «сдержанность» и «разумность», а с другой стороны – отсутствие аутентичного разъяснения содержательных пределов, под видом конституционно-правовой интерпретации, исключает возможность исправления последствий ошибочного судебного акта. КС, самостоятельно выступая в роли позитивного законодателя, создает отсутствующие в федеральном законодательстве механизмы. Однако, к примеру, нарушения требований определенности законодательного регулирования недостаточно для необходимого исправления дефекта конституционно-правового характера.

Используемые в основе своей аргументации абстрактные и собственные оценочные принципы подобны «фиговым листьям», с помощью которых КС РФ прикрывает собственную непоследовательность в угоду меняющемуся социально-политическому контексту и служит политико-правовым документом к «капризам» действующего политического курса [3].

Орган конституционного правосудия порой проявляет очевидную непоследовательность, несмотря на представления о нейтральности КС, хотя вряд ли его можно оградить от политической составляющей [7], и в условиях неизбежно меняющегося социально-политического контекста судьи приспосабливают смысловую нагрузку формально неизменного нормативного конституционного текста к новым вызовам, проблемам и требованиям современности [4].

Но то, что современно, то всегда временно, и в отсутствии механизмов внесения поправок и изменений, КС РФ всегда должен «исходить из ранее сформулированных правовых позиций, которые имеют значение для разрешения дела, определяя при этом пределы их необходимого использования» [8].

Теоретические представления о понятии интерпретационного акта, понятия акта официального судебного толкования, способах прекращения их действия, способах разрешения юридических коллизий не позволяют ответить на вопрос, как следует разрешать юридические коллизии актов официального судебного толкования. Привычные для нормативных правовых актов способы разрешения юридических коллизий (например, отмена ранее изданного закона более поздним) непригодны для актов официального судебного толкования, противоречия между которыми необходимо разрешать исходя из существа правоположений с учетом принципов правовой определенности и разумных ожиданий участников правоотношений [6].

Однако перейдем от теории к практике. 8 октября 2024 г. состоялось самое резонансное слушание последних лет. В главном зале заседаний КС в Санкт-Петербурге на Сенатской площади, дом 1 собрался весь цвет юриспруденции России. Представители Президента, Правительства, Минюста, Госдумы, Совета Федерации, Генпрокуратуры, Российского Союза промышленников и предпринимателей, Исследовательского центра частного права при Президенте, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве, Института государства и права РАН, Уполномоченного по правам человека в РФ и другие авторитеты в области права и нормотворчества, лучшие ораторы и выдающиеся ученые. Зал заседаний КС наполнен несмотря на систему спецпропусков. Прямая трансляция, ажиотаж, СМИ и ощущение специфического шоу по типу дореволюционных судебных процессов с участием Федора Плевако или Анатолия Кони.

Повод – национализация или антикоррупционные иски, появившиеся в России как результат ратификации Конвенции ООН против коррупции, оригинальная для российского права презумпция вины в гражданско-правовой сфере. Вопрос изъятия в доход РФ имущества, в отношении которого чиновник (бывший чиновник) не представил доказательства его приобретения на законные доходы. Поводом послужил запрос судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 06.06.2024 г., обнаруживший неопределенность в вопросе соответствия Конституции РФ положений главы 12 «Исковая давность» ГК РФ, отмечая, что в судебной практике сформированы взаимоисключающие подходы.

Мнения участвующих лиц разделились, и полемика накалилась. Представитель ГД РФ, органа, издавшего оспариваемый акт, Юрий Петров заявил: «Право прокурора на обращение в суд с исками антикоррупционной направленности в целях соблюдения баланса публичных и частных интересов должно быть ограничено по времени. Данные иски являются исками имущественного характера. Правоотношения, возникающие в связи с этим регулируются нормами гражданского права, в том числе Определениями КС РФ и иными положениями норм института исковой давности. В связи с чем неопределенности в вопросе применения норм института исковой давности ГД РФ усматривает» [24]. Его поддержал Верховный Суд и основная часть экспертного сообщества. Представитель Генеральной прокуратуры был настолько эмоционален, что назвал оппонентов «заблудившимися правоприменителями» и спросил «на кого работает ВС РФ?». Председательствующий вынужден был дважды прерывать генерал-лейтенанта прокуратуры. Знаменательное слушание вылилось в не менее «выдающееся» решение, не подлежащее обжалованию, вступающее в силу немедленно и обязательное для всех.

В соответствии с Постановлением КС от 31.10.2024 № 49-П нормы главы 12 «Исковая давность» ГК РФ по антикоррупционным искам стали не соответствовать требованиям законности и справедливости, поощряют коррупционное поведение и ведут к противоправному обогащению, несовместимы с принципами существования и деятельности правового государства, подрывают надлежащее функционирование рыночной экономики, веру граждан в законность, добро и справедливость в государстве (ст. 1 (часть 1), 8, 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 75.1, КС РФ). В действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход РФ, считается не установленным.

КС применил сложную расширительную конструкцию, используя в основе своей аргументации

абстрактные и собственные оценочные принципы, которые прикрывают непоследовательность практики судов общей юрисдикции, превращаясь в непоследовательность судебной практики КС в угоду меняющемуся социально-политическому контексту. Видимо «орган конституционного контроля все еще не может освободиться от образа политически ангажированного образования, созданного под видом «хранителя» и «защитника» Конституции РФ [3].

Конституция РФ не содержит понятие «сроки давности», следовательно, по идее нет оснований для проверки на конституционность, и подобная проверка не входит в компетенцию КС РФ, установленную ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 ФКЗ «О КС РФ», согласно которым «КС РФ при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов».

Вопросы судебной практики, ее единообразного применения прерогатива ВС РФ. Так ст. 126 Конституции РФ гласит «Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, осуществляет судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики». ФКЗ от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде РФ» закрепляет в ст. 5, ч. 3 полномочия Пленума ВС РФ, который: рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ.

Норма, регламентирующая антикоррупционные иски (пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ), вступила в силу и начала применяться с 01.01.2013. Через четыре года появились незначительные вопросы правоприменения, и в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом № 3-ФКЗ «О Верховном Суде РФ», ВС РФ дал исчерпывающие разъяснения в обзоре судебной практики, утвержденном Президиумом ВС РФ [9]. Проблем или неопределенности в вопросе применения института исковой давности, начиная с момента его принятия (1994 г.), не усматривалось, и сложностей его применения не возникало. 1 сентября 2013 г. в ГК РФ появилось положение, согласно которому срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, установленных Федеральным законом от 6 марта 2006 г. Еще через несколько лет вдруг в условиях меняющегося социально-политического контекста в судебной практике появляются те самые противоречивые решения, сформировавшие взаимоисключающие подходы. Суды общей юрисдикции, причем нижнего звена, начали приспособлять смысловую нагрузку решений неизменного зако-

нодательства к новым политическим вызовам и проблемам современности. Возникает вопрос, насколько это допустимо, когда политизация не приемлема даже для КС РФ? И вместо обращения за разъяснениями к Пленуму ВС РФ Краснодарский краевой суд обращается что называется «через голову» в КС РФ.

Относительно ранее вынесенных решений по вопросу сроков давности КС РФ указал: «Препятствием для вынесения Постановления КС от 31.10.2024 № 49-П о сроках исковой давности в ГК РФ не явилось то обстоятельство, что в Определении от 19 декабря 2019 года № 3559-О, а затем в Постановлении от 4 июля 2022 года № 27-П КС РФ не отрицал применимость исковой давности к отношениям, урегулированным ФЗ № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Это значит, что два решения не действуют в части, но на основании какой нормы права, одно решение может изменить другое? КС может исправить опisku, погрешность или неточность (ст. 82 ФКЗ от 21.07.1994 № 1), но данный закон не содержит норму о том, что последнее в хронологическом порядке решение КС имеет преимущественную силу или может менять другие решения. Помимо указанных (Определение № 3559-О и Постановление № 27-П) существует большое количество решений, в которых КС РФ доносит обязательное определение: «Никто не может быть поставлен под угрозу неблагоприятных последствий на неопределенный или слишком длительный срок. Наличие сроков, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступить неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий». Перечислим некоторые: Постановление от 20.07.1999 № 12-П – «установление срока для предъявления претензий предполагает такую его продолжительность, которая не лишала бы смысла ни само право на предъявление претензий, ни соответствующую процедуру их рассмотрения»; Постановление от 27.04.2001 № 7-П – «Поддержание в целях обеспечения конституционных гарантий прав и свобод граждан – баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов, участвующих в гражданско-правовых отношениях, диктует необходимость установления ограничительных сроков»; Постановление от 14.07.2005 № 9-П – «не быть преследуемым по истечении определенного срока с момента совершения деяния, с тем чтобы достигалась правовая защищенность и не подвергалось посягательствам право на защиту, которое было бы скомпрометировано, если бы суды выносили решения, основываясь на неполной в силу истекшего времени доказательственной базе»; Постановление от 24.06.2009 № 11-П – «целью установления соответствующих сроков давности является как обеспечение эффективности реализации публичных функций, ста-

бильности правопорядка и рациональной организации деятельности правоприменителя, так и сохранение необходимой стабильности правовых отношений и гарантирование конституционных прав лица, совершившего деяние, влекущее для него соответствующие правовые последствия, поскольку никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком длительный срок»; Постановление от 24.03.2017 № 9-П – «законодатель в пределах своих дискреционных полномочий вправе устанавливать, изменять и отменять сроки исковой давности в зависимости от целей правового регулирования и производить их дифференциацию при наличии к тому объективных и разумных оснований, а также определять порядок их течения во времени. Соответственно, эти законоположения сами по себе также не могут расцениваться как нарушающие конституционные права и свободы»; Определение от 03.11.2006 № 445-О – «Институт исковой давности в гражданском праве имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению хозяйственных договоров, обеспечить своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных гражданских прав приводило бы к ущемлению охраняемых законом прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела сведений и фактов. Применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав»; Постановление от 20.07.2001 № 20-П, и т.д. Как быть с ними? Для возможности изменения одним решением других нужны поправки в ФКЗ от 21.07.1994 № 1 и специальная процедура.

Решения КС РФ, имея предметом рассмотрения конкретную норму на соответствие Конституции, как правило затрагивают правоприменение еще нескольких норм и законов, что ведет к хаотизации правоприменения. Так происходит с конституционным истолкованием нормативных актов или его положений в части сроков давности в гражданском судопроизводстве на соответствие Конституции. Помимо сроков давности КС РФ Постановлением от 31.10.2024 № 49-П КС РФ смог самостоятельно «расширить» собственные полномочия, указав следующее: «При признании нынешнего положения дел – отсутствия таких сроков давности – адекватно отражающим в конкретно-исторических условиях общественные потребности федеральный законодатель вправе воздержаться от каких-либо нормативных изменений.

Установить, что на федерального законодателя не возлагается обязанность внести изменение в действующее правовое регулирование». В то же время ч. 4 п. 1 ст. 80 №1-ФКЗ [26] содержит обязательность внесения законодательных изменений в течение 2 месяцев с момента вынесения решения КС, а при неисполнении применяются механизмы ответственности. КС, исходя из нынешнего положения дел, настоятельно рекомендует законодателю не исполнять ФКЗ и снимает с парламента РФ ответственность(?). На сколько такое решение законно, и если оно незаконно то кто и как его может обжаловать и отменить? Ответ – никто и никогда!

КС наделил Прокуратуру новыми полномочиями и обязанностями и ввел ряд новых понятий: «на основе собранной и надлежаще закреплённой информации прокурор приобретает реальную возможность подать антикоррупционный иск, чтобы он был обеспечен доказательствами, тем более когда они выходят за пределы количественного сопоставления доходов и расходов», «прокурор должен доказать факт превращения или преобразования», «в том числе производного имущества», «выяснять обстоятельства злоупотребления полномочиями, совершение иных деяний коррупционной направленности, разыскивать имущество находящееся, в собственности подконтрольных замещающим (замещавшим) государственные должности лицам и связанных с ним лиц, выявлять доходы от реализации или использования бывшего в экономической деятельности имущества». Данное решение меняет смысл как минимум трех федеральных законов.

Судебное разбирательство, по замыслу законодателя в соответствии пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, не предполагает выявления и установление нарушений законодательства о противодействии коррупции в гражданском процессе. КС РФ кардинально меняет смысл статьи, совмеща гражданский и уголовный процессы в нарушение ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, согласно которой «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства». КС в Постановлении проводит аналогию применения со ст. 104.1 УК РФ «Конфискация имущества, принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора», функции прокуратуры расширены вместе с возможностями гражданского суда, но в случае конфискации в уголовном праве, это предварительное следствие и вступивший в законную силу приговор, а в соответствии пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, это всего лишь презумпция подозрения в коррупции, а последствия те же – полная конфискация.

Отдельный, не менее важный, вопрос – применение норм права, утративших законную силу. Статья 54 Конституции РФ гласит: «Закон, устанавливающий

или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет». В Постановлении КС от 31.10.2024 № 49-П в части предшествовавшего и утратившего свою силу законодательства о коррупционных исках до 01.01.2012 г. говорится: «Рассматриваемая мера не выходит за пределы имущественной сферы соответствующего лица, сформированной посредством совершения деяний коррупционной направленности, поэтому ее применение не может расцениваться как несовместимое с конституционным запретом на придание обратной силы законам, вводящим публично-правовую ответственность и ухудшающим правовое положение граждан». КС РФ отменил действие конституционного запрета ст. 54 Конституции РФ? Причем в своем же решении ранее КС РФ закрепил другую позицию: «Нормотворческая практика введения в действие закона свидетельствует о том, что основным принципом существования его во времени является немедленное действие. Придание обратной силы закону – исключительный тип его действия во времени, использование которого относится лишь к прерогативе законодателя. При этом либо в тексте закона содержится специальное указание о таком действии во времени, либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу имеется подобная норма. Законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений. Обратная сила не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой» [22].

В Постановлении от 31.10.2024 № 49-П, КС РФ красиво цитирует положения Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., акцентируя внимание на том, что выводы суда согласуются с нормами п. 9 ст. 31, ст. 34, ст. 29, но только на эти статьи не распространяется юрисдикция РФ. Конвенцию Россия ратифицировала лишь в части, поскольку нератифицированная часть противоречит Конституции РФ [27]. Сколько было бурной полемики за и против ратификации статьи 20 Конвенции ООН, которая противоречила российской конституционной норме о презумпции невиновности – ст. 49 Конституции РФ, законность победила, не ратифицировали. Суть нератифицированной статьи 20 Конвенции ООН – рассмотрение антикоррупционных исков с конфискацией в рамках уголовного производства. Постановлением от 31.10.2024 № 49-П КС РФ проведена аналогия применения ст. 104.1 УК РФ – конфискации в гражданском процессе, а Прокуратура наделена дополнительными функциями. Совмещение уголовного и гражданского процессов судопроизводства стало повсеместным. Исследование и оценка в порядке гражданского судопроизводства материалов из уголовных дел, оперативно-розыскных материалов, по которым производство не окончено также дает

возможность закрывать гражданские процессы в связи с тайной уголовного расследования, хотя подмена одного вида судопроизводства другим является недопустимой (см. Определение Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 2069-О). Сложным путем статья 20 Конвенции ООН зашла в российское правоприменение.

В силу своей специфической компетенции, занимающая особое место в системе органов государственной власти и не имея собственного места ни в системе разделения властей, ни в системе «сдержек и противовесов» КС сам себя поставил над законодательной и судебной властями, в то время как фундаментальный демократический принцип разделения властей не предполагает наделение судебных органов законотворческими полномочиями. В сфере конституционного правосудия осуществляется оценка конституционности норм права, в результате которой в случае признания этих норм неконституционными на законодательный орган возлагаются обязанности по устранению причин такой неконституционности [11].

При принятии Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» в 1994 г. законодатель понимал необходимость решения стремительно меняющихся политических вопросов, в особенности при политических конфликтах, посредством конституционно-правового истолкования, которое может привести к непоследовательности решений. Законодатель заложил положение, позволявшее исправлять судебные ошибки или менять противоречивые решения, не соответствующие правовой позиции, выраженной в ранее принятых решениях КС РФ» (ст. 73 № 1-ФКЗ «О КС РФ»). Однако регулирующая норма (ст. 73) была признана утратившей силу в 2010 г. в связи с упразднением деления КС на палаты. На практике не было зафиксировано случаев реального применения ст. 73 Закона «О КС РФ» в решениях, принятых в период действия указанной статьи, нет ни одного упоминания об этом, как нет и ссылок на данную статью как на норму, которой КС руководствовался бы при принятии решений. Хотя попытки добиться применения ст. 73 Закона о КС были, что говорит о том, что проблема начала расти еще более 20 лет назад, но попытки ее решения потерпели неудачу. Так, ряд граждан обращались в КС с ходатайствами об официальном разъяснении его Постановления от 22 июля 2002 г. № 14-П со ссылками на то, что отдельные положения в нем не соответствуют друг другу и содержат взаимоисключающие правовые позиции. Отказывая в принятии этих ходатайств (Определение от 19 июня 2003 г. № 204-О) Конституционный Суд указал, что утверждения о противоречии правовых позиций из Постановления от 22 июля 2002 г. № 14-П ранее изложенным правовым позициям не предполагают дачи соответствующих разъяснений по поставленному вопросу, поскольку вопрос о соотношении правовых

позиций с позициями, изложенными в ранее принятых решениях КС, выходит за рамки содержания названного Постановления. Вопрос о механизме преодоления коллизий между правовыми позициями, сформулированными в различных решениях, явно игнорировался [12].

Отталкиваясь от одних и тех же принципов, КС РФ, отправляя правосудие, часто приходит к различным по своему характеру выводам и в качестве самоограничения выработал получивший распространение в практике КС РФ принцип разумной конституционной сдержанности. Принцип предполагает существование предела судебного усмотрения и судебного активизма в интерпретации или толковании принципов и норм конституции [25]. Решением КС РФ [20] было практически воплощено новое направление развития системы сдержек и противовесов в российской системе разделения властей. Предполагалось, что с принятием этого принципа КС РФ уклоняется от введения нового правового регулирования и вмешательства в дискрецию законодателя, ограничивает себя в правотворчестве в соответствии с принципом разделения властей и отмечает, что правовое регулирование – прерогатива законодателя. Мотивы применения принципа разумной сдержанности КС РФ сводятся:

- 1) к невмешательству в исключительную дискрецию законодателя, в частности, посредством введения нового правового регулирования, расходящегося с действительной волей парламента;
- 2) к негативному влиянию дисквалификации оспариваемой нормы на функционирование правовой системы в целом и возможным трудностям в правоприменении, обусловленным возникновением в таком случае пробела в правовом регулировании, требующего внесения системных изменений в действующее законодательство [15];
- 3) к ухудшению правового положения лиц, определяемого признанным неконституционным правовым регулированием [16];
- 4) к опасности в условиях процессуально-правового вакуума произвольного выбора правоприменителями модели правового регулирования [17].

Со временем принцип конституционной сдержанности из средства сдерживания и самоограничения КС РФ превратился в абстрактную аргументационную конструкцию, прикрывающую все тот же законодательный характер решений Суда, создающую сложную политико-правовую проблему.

Проблема имеет нарастающий характер, уже сегодня можно в зависимости от необходимости ссылаться на обязательные решения КС, противоположные по смыслу, что создает нарастающий хаос в правоприменении, подрывает доверие к судебной власти. Ошибки законодателя исправляются поправками, даже Указы Президента РФ возможно обжаловать, постановления КС РФ – нет. Необходим сдерживающий фактор,

тормозящий переход из нормального правового поля деятельности государственного органа в беспредел при постоянном или временном, случайном или намеренном отсутствии ограничений [28].

Материальным пределом толкования являются текст интерпретируемой нормы, а также единство Конституции. Судебный орган конституционного контроля ограничен сформулированными ранее интерпретациями конституционных норм, что вытекает из принципа устойчивости конституционной законности. КС РФ неоднократно сталкивался с необходимостью изменить интерпретацию исходных конституционных норм, что связано с разными причинами или с изменением закономерностей функционирования общественных отношений или социальных ценностей [23]. К примеру, содержание принципов народовластия и федерализма [18, 19, 20]. Насколько допустима подобная практика без принятия законодателем специальной процедуры изменения конституционных интерпретаций, предусмотренных, к примеру, в Индии [11, art. 137, 141 [29]], ФРГ [33, § 18] [30]. Неизменяемость конституционно-судебных интерпретаций является, с одной стороны, ограничением развития общества и государства, с другой – присвоением судебному органу конституционного контроля полномочий учредительной власти. Законодательная регламентация подобной процедуры не только позволит уточнять смысл состоявшихся решений КС РФ, но и изменять их применительно к новым социально-политическим условиям, а в инновационном рыночном обществе предполагающее параллельную трансформацию конституционных норм и правоотношений как результат реализации программной функции Конституции.

Таким образом, назрела необходимость внесения поправок в ФКЗ №1 от 21.07.1994 года «О Конституционном Суде РФ», о внесении изменений в принятые решения, несоответствующие правовой позиции, выраженной в ранее принятых решениях Конституционного Суда РФ.

Единообразие судебной практики играет ключевую роль в укреплении правовой системы. Для его достижения необходим анализ ранее принятых решений КС, выработка и закрепление в ФКЗ №1 «О КС РФ» механизма устранения накопившихся противоречий в решениях КС РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. АВАКЯН С.А. Конституционное право России: Избранные статьи. 2010–2016. М.: Проспект, 2016. С. 29.
2. ГАДЖИЕВ Г.А. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ к Постановлению Конституционного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. № 2-П «По делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации»// СЗ РФ. 1995. № 16. Ст. 1451.
3. ДЖАВАКЯН Г.З. Принцип разумной сдержанности в конституционном правосудии: самоограничение или самоустранение? // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6.
4. БОНДАРЬ Н.С. Социоисторический динамизм Конституции – без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 22–34.
5. БОЧАРОВА С. Конституционный суд защитили от «политизации процесса»// Ведомости 21 октября 2020 <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/10/21/844123-konstitutsionnii-sud>
6. НАЗАРЬКОВА Е.О. Юридические коллизии актов официального судебного толкования и возможные способы их разрешения // «Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу», 2023, № 2.
7. НАРУТТО С.В. Место Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1096–1107.
8. ПОЛЯНСКИЙ В.В. Гармонизирующая функция Конституционного Суда Российской Федерации (конституционное содержание и перспективы реализации) // Юридический мир. 2013. № 12. С. 21–26.
9. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017) // КонсультантПлюс.
10. СМОЛЬКОВА И.В., ПРЕЛОВСКИЙ П.О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по поводу уголовного судопроизводства - судебные прецеденты? // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. № 1. С. 131.
11. ПЕРМИЛОВСКИЙ М.С., ВИЛОВА М.Г. Методология конституционной аксиологии в разъяснениях Конституционного Суда России // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8.
12. ПЕТРОВ А.А. Правовые суперпозиции Конституционного Суда Российской Федерации: постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2021. № 4.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2008 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 5 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» в

- связи с жалобами граждан А.Ф. Кутиной и А.Ф. Поварничиной». СЗ РФ. 2008. № 51. Ст. 6205.
15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П. СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 398.
 16. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 17-П. СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.
 17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П. СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.
 18. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1996 № 11-П По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом. Собрание законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2320.
 19. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан. Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 336.
 20. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы. Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 2). Ст. 8062.
 21. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // СЗ РФ. 2005. № 30 (часть II). Ст. 3200. КонсультантПлюс.
 22. Решение Конституционного Суда РФ от 01.10.1993 № 81-р «По индивидуальным жалобам граждан о проверке конституционности правоприменительной практики трудовых споров» // КонсультантПлюс.
 23. Смирнов В.А. Толкование конституции как способ развития содержания ее норм: сравнительное исследование опыта Российской Федерации и зарубежных государств // Современное право. 2024. № 8.
 24. Трансляция от 08.10.2024 рассмотрения Постановления от 31.10.2024 № 49-П, Представитель ГД РФ с 26:22 мин, https://medias.ksrf.ru/archive/20241008_101.mp4/embed.html
 25. Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Принцип конституционной сдержанности: содержание и особенности реализации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9.
 26. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // КонсультантПлюс.
 27. Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» // КонсультантПлюс.
 28. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: Наука, 2016. С. 143.
 29. The Constitution of India (As amended up to 1st May, 2022) // Legislative Department. URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s380537a945c7aaa788ccfdcf1b99b5d8f/uploads/2023/05/2023050195.pdf>.
 30. Bundesverfassungsgerichtsgesetz Vom 12. Marz 1951 in der Fassung Der Bekanntmachung Vom 11. August 1993, das zuletzt durch Artikel 4 des Gesetzes vom 20. November 2019 geandert worden ist // Gesetz im Internet. URL: <https://www.gesetzim-internet.de/bverfgg/BJNR002430951.html>.

REFERENCES

1. AVAKYAN S.A. Constitutional Law of Russia: Selected Articles. 2010–2016. Moscow: Prospect, 2016:29. (In Russian).
2. GADZHIEV G.A. Dissenting opinion of a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 12, 1995 N 2-P «On the case of interpretation of Articles 103 (part 3), 105 (parts 2 and 5), 107 (part 3), 108 (part 2), 117 (part 3) and 135 (part 2) of the Constitution of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. N 16. Article 1451. (In Russian).
3. DZHAVAKYAN G.Z. The principle of reasonable restraint in constitutional justice: self-restraint or self-elimination? *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*. 2018;6. (In Russian).
4. BONDAR N.S. Sociohistorical dynamism of the Constitution – without rewriting the constitutional text. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 2014;2:22–34. (In Russian).
5. BOCHAROVA S. The Constitutional Court was protected from the «politicization of the process». *Vedomosti* October 21, 2020 <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/10/21/844123-konstitutsionnii-sud> (In Russian).
6. NAZARKOVA E.O. Legal collisions of acts of official judicial interpretation and possible ways of their resolution. «*Elektronnoye prilozheniye k «Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu»*». 2023;2. (In Russian).
7. NARUTO S.V. The place of the Constitutional Court

- of the Russian Federation in the system of state authorities. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. 2014;6:1096–1107. (In Russian).
8. POLYANSKY V.V. Harmonizing function of the Constitutional Court of the Russian Federation (constitutional content and implementation prospects). *Yuridicheskiy mir*. 2013;12:21–26. (In Russian).
 9. Review of judicial practice in cases on applications of prosecutors on the conversion of property to the income of the Russian Federation, in respect of which evidence of its acquisition with legal income has not been presented in accordance with the legislation on combating corruption» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 30, 2017). *ConsultantPlus*. (In Russian).
 10. SMOLKOVA I.V., PRELOVSKY P.O. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on criminal proceedings – judicial precedents? *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*. 2016; 26;(1):131. (In Russian).
 11. PERMILOVSKY M.S., VILOVA M.G. Methodology of constitutional axiology in the explanations of the Constitutional Court of Russia. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*. 2022;8. (In Russian).
 12. PETROVA A.A. Legal superposition of the Constitutional Court of the Russian Federation: statement of the problem. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2021;4. (In Russian).
 13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 5, 2007 N 2-P. Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. N 7. Art. 932. (In Russian).
 14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 27, 2008 No. 11-P «On the case of verifying the constitutionality of Part Two of Article 5 of the Federal Law «On the Minimum Wage» in connection with the complaints of citizens A.F. Kutina and A.F. Povarnitsyna». Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 51. Art. 6205. (In Russian).
 15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2011 N 30-P. Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. N 2. Art. 398. (In Russian).
 16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 25, 2018 N 17-P. Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. N 19. Art. 2812. (In Russian).
 17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2012 No. 11-P. Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. N 21. Art. 2697. (In Russian).
 18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30.04.1996 N 11-P On the case of verifying the constitutionality of paragraph 2 of the Decree of the President of the Russian Federation of October 3, 1994 N 1969 «On measures to strengthen the unified system of executive power in the Russian Federation and paragraph 2.3 of the Regulation on the head of the administration of the territory, region, city of federal significance, autonomous region, autonomous okrug of the Russian Federation, approved by the said Decree. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. N 19. Art. 2320. (In Russian).
 19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.12.2005 N 13-P On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Federal Law «On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation» in connection with the complaints of a number of citizens. Collection of Legislation RF. 2006. N 3. Art. 336. (In Russian).
 20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.12.2012 N 32-P On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the federal laws «On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation» and «On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation» in connection with the request of a group of State Duma deputies. Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. N 53 (Part 2). Art. 8062. (In Russian).
 21. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14 July 2005 N 9-P. Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. N 30 (Part II). Art. 3200. *Konsul'tantPlus*. (In Russian).
 22. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.10.1993 N 81-r «On individual complaints of citizens on the verification of the constitutionality of the law enforcement practice of labor disputes». *Konsul'tantPlus*. (In Russian).
 23. SMIRNOV V.A. Interpretation of the Constitution as a Way of Developing the Content of Its Norms: A Comparative Study of the Experience of the Russian Federation and Foreign States. *Sovremennoye pravo*. 2024;8. (In Russian).
 24. Broadcast from 08.10.2024 of the consideration of the Resolution of 31.10.2024 N 49-P, Representative of the State Duma of the Russian Federation from 26:22 min, https://medias.ksrf.ru/archive/20241008_101.mp4/embed.html (In Russian).
 25. UMNOVA-KONYUKHOVA I.A., ALESHKOVA I.A. The principle of constitutional restraint: content and features of implementation. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*. 2020;9. (In Russian).
 26. Federal Constitutional Law of July 21, 1994 N 1-FKZ «On the Constitutional Court of the Russian Federation». *ConsultantPlus*. (In Russian).
 27. Federal Law of March 8, 2006 N 40-FZ «On Ratification

- of the UN Convention against Corruption». *ConsultantPlus*. (In Russian).
28. **КХАБРИЕВА Т.Я.** Constitutional reform in the modern world: monograph. Moscow: Nauka, 2016: 143. (In Russian).
29. The Constitution of India (As amended up to 1st May, 2022) // Legislative Department. URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s380537a945c7aaa788ccfcdf1b99b5d8f/uploads/2023/05/2023050195.pdf>.
30. Bundesverfassungsgerichtsgesetz Vom 12. March 1951 in der Fassung Der Bekanntmachung Vom 11. August 1993, das zuletzt durch Artikel 4 des Gesetzes vom 20. November 2019 geändert worden ist // Gesetz im Internet. URL: <https://www.gesetzeim-internet.de/bverfgg/BJNR002430951.html>.

Трунов Игорь Леонидович,
к.э.н., д.ю.н., профессор, президент Союза адвокатов
России

✉ 125080 г. Москва, Волоколамское ш., д. 15/22,
125080, Moscow, Volokolamsk Highway, 5/22,
тел.: +7(499) 158-85-81, e-mail: trunov08@yandex.ru